

КОНРАД

СОВЕСТЬ
НАЦИСТСКОГО
СУДЬИ

МОРГЕН

Герлинде Пауэр-Штудер
и Дэвид Веллеман

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Герлинде Пауэр-Штудер
**Конрад Морген. Совесть
нацистского судьи**

«Альпина Диджитал»

2015

Пауэр-Штудер Г.

Конрад Морген. Совесть нацистского судьи / Г. Пауэр-Штудер — «Альпина Диджитал», 2015

ISBN 978-5-00-139878-3

Малоизвестная история представителя судебной системы СС, который столкнулся лицом к лицу с нацистской машиной массовых убийств и начал в меру своих возможностей бороться с ней. Расследуя коррупционные преступления в концентрационных лагерях, эсэсовский судья Конрад Морген превысил полномочия и стал преследовать главных исполнителей гитлеровского «окончательного решения еврейского вопроса», выдвинув обвинения в убийстве против коменданта Бухенвальда и шефа гестапо Освенцима. «Воля (волеизъявление) и личность преступника теперь также учитывались. Комиссия, созданная Гитлером и возглавленная Гюртнером, одобрила систему уголовной ответственности за намерение». Случай Моргена раскрывает связь тоталитаризма, коррупции и геноцида и затрагивает множество морально-нравственных проблем. Книга интересна суждениями из области философии права и сведениями по истории (в том числе юридической) Третьего рейха, однако, прежде всего, она о том, как отдельным людям приходится делать сложный моральный выбор и как нравственность одного человека пытается противостоять безнравственности окружающего мира. «Многие послевоенные теоретики полагали, будто опыт Третьего рейха научил нас тому, что надо устанавливать более тесную связь между правом и моралью». «Когда после войны Ховена судили, он пытался оправдать свои убийства – которые он признал – тем, что эти жертвы были «предателями» и из-за них могло погибнуть еще больше людей».

ISBN 978-5-00-139878-3

© Пауэр-Штудер Г., 2015

© Альпина Диджитал, 2015

Содержание

Пролог	9
Благодарности	12
Хронология	13
Главные персонажи	16
1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Генрих Эрлих, Сергей Комаров Конрад Морген: Совесть нацистского судьи

Переводчик *Юрий Чижов*

Научный редактор *Дмитрий Гурин*

Редактор *Наталья Нарциссова*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Казакова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Н. Вилько, И. Панкова*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

First published in English under the title Konrad Morgen; The Conscience of a Nazi Judge by H. Pauer-Studer and J. Velleman, edition: 1 Copyright

This edition has been translated and published under licence from Springer Nature Limited. Springer Nature Limited takes no responsibility and shall not be made liable for the accuracy of the translation.

© Palgrave Macmillan, a division of Macmillan Publishers Limited, 2015

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

Герлинде Пауэр-Штудер

Университет Вены, Австрия

Дэвид Веллеман

Нью-Йоркский университет, США

**КОНРАД
СОВЕСТЬ
НАЦИСТСКОГО
СУДЬИ
МОРГЕН**

Перевод с английского

АНО
КЛУБКА ВОН-ВЕННИ

Москва, 2023

Торстену, а также Ли и Эвану

Пролог

Штерн (голос за кадром):

– Ревизоры из СС все ходят, перетряхивают книги... Гёт это знает...

Натура. Краков – день

Грузовики на погрузочной платформе личного склада Гёта. Польские рабочие под надзором Худжара выгружают «лишние» мешки с мукой и рисом – припасы для 10 000 несуществующих заключенных.

Штерн (голос за кадром):

– Можно подумать, у него хватило бы ума это предвидеть.

В этой сцене из фильма «Список Шиндлера» рабочие разгружают грузовики с провизией, предназначенной для 10 000 узников концлагеря Плашов – несуществующих заключенных, придуманных комендантом Амоном Гётом, чтобы излишки запрошенной провизии он мог продать на черном рынке. Рассказчик говорит, что Гёта проверяют ревизоры СС.

Люди, представленные здесь как ревизоры, и в самом деле были эсэсовскими следователями, а прислал их эсэсовский судья Конрад Морген (1909–1982). Он расследовал коррупцию и другие преступления во многих лагерях, среди которых были Бухенвальд, Дахау, Освенцим. Со временем Морген начал преследовать не только Гёта, но и главных исполнителей гитлеровского «окончательного решения еврейского вопроса».

Это малоизвестная история о том, как эсэсовский судья столкнулся лицом к лицу с нацистской смертоносной машиной и по мере своих ограниченных возможностей пытался противостоять ей.

Морген был судьей эсэсовского суда – системы, которая рассматривала дела против членов СС так же, как военные суды рассматривали дела в отношении военнослужащих. В 1941 г. и первой половине 1942 г. он расследовал дела о финансовой коррупции членов СС в оккупированной Польше. В 1943 г. рейхсфюрер СС Гиммлер поручил судье расследовать дела о коррупции в концентрационных лагерях.

Морген не ограничил свои расследования коррупцией. Превысив полномочия, он выдвинул обвинения в убийстве против коменданта Бухенвальда и шефа гестапо Освенцима. Он даже требовал выдать ордер на арест Адольфа Эйхмана. В конечном счете обвинения были предъявлены пяти комендантам концлагерей, и по крайней мере один из них был за свои преступления казнен¹.

После войны Моргена взял под стражу Корпус контрразведки – американский Counter Intelligence Corps (CIC), – где его интенсивно допрашивали. Он давал показания на многих судах над военными преступниками – сначала на суде против главных военных преступников в Нюрнберге, затем на малых процессах сразу после войны и, наконец, после того, как он уже стал известным юристом во Франкфурте, во время поздней волны процессов, поднявшейся в 1960-е гг. В последний раз он давал показания в 1980-м, за два года до своей кончины.

Морген объяснял, что, хотя он мог предъявить шефу освенцимского гестапо обвинение в 2000 убийствах, он никого не мог обвинить в истреблении миллионов в газовых камерах Освенцима-Биркенау, поскольку виновным был Гитлер, воля которого стала в буквальном смысле слова законом в государстве. По утверждению Моргена, судебное преследование за обычные убийства было его средством противодействия программе истребления, учитывая, что возможности остановить ее он не имел.

¹ Казнь Карла Отто Коха, бывшего коменданта Бухенвальда, хорошо документирована. Казнь Германа Флорштедта, бывшего коменданта Майданека, оспаривается членами его семьи (Lindner (1997)).

Самого себя Морген называл *Gerechtigkeitsfanatiker* – фанатиком справедливости. Такое самоопределение в известном смысле верно, но не так уж благоприятно, как ему казалось. Морген и в самом деле фанатично относился к справедливости, как он ее представлял, но его концепция справедливости шла вразрез с бесчеловечностью, окружавшей его. При этом фанатизм его был слишком силен, чтобы допускать самокритичные размышления. В одних случаях он вел Моргена по правильному пути, а в других приводил к серьезным заблуждениям. Это делает Моргена фигурой двусмысленной, а его случай достоин изучения в силу своей моральной сложности. Наша цель – понять как позитивные, так и негативные аспекты *Gerechtigkeitsfanatismus* Моргена, исследуя его чувства и мысли, его соображения по поводу событий, в которых он участвовал.

Кроме того, деятельность Моргена представляет особый исторический интерес. Как опытный юрист и судья он смотрел на холокост через призму морали, сколь бы дефектной она ни была. Он отличался настойчивостью и был, можно сказать, выдающимся следователем, никогда не отступавшим перед лицом чудовищных преступлений. Протоколы расследований Моргена сохранились как в его отчетах начальству, так и в его послевоенных показаниях. Наконец, самому Моргену не предъявили обвинений в военных преступлениях, и поэтому он был свидетелем, гораздо менее склонным к самооправданию, чем преступники, о которых он свидетельствовал.

Морген показался нам весьма надежным хроникером своей деятельности военного времени. Его послевоенные свидетельства, если не считать нескольких серьезных исключений, которые мы рассмотрим², подтверждаются документами, включая не только его собственные бумаги, но и, например, личные досье тех, с кем он имел дело во время войны. Самое невероятное из заявлений Моргена – что он добивался ареста Адольфа Эйхмана – было подтверждено самим Эйхманом на процессе в Иерусалиме. Морген мог быть малочувствителен к тому, что его окружало, или замечать далеко не все, но он явно не стремился адаптировать свои высказывания под то, что послевоенная аудитория знала или хотела услышать. Честность тому причиной или наивность, но он был на удивление искренним свидетелем.

Мы задумали эту книгу как нравоучительную биографию, анализ того, как нравственность одного человека пытается противостоять безнравственности окружающего мира. Наше повествование охватывает только карьеру Моргена в качестве настоящего или бывшего члена СС, а не описывает весь его жизненный путь, и это позволяет избежать спекуляций. Мы не воссоздавали сцены и события с литературными целями, хотя, когда Морген описывает их, мы даем ему слово, чтобы читатель мог услышать его голос. Наконец, несмотря на болезненность темы, мы пытаемся сохранять беспристрастный тон. Как нам кажется, для того чтобы осудить холокост, читатели не нуждаются в наших высокопарных заявлениях.

Стремление добавить оттенков к портрету эсэсовского офицера порождает вопрос: не пытаемся ли мы разделить морально неприемлемую точку зрения? Не доходим ли мы в этой попытке до игры на поле дьявола? По нашему мнению, нельзя априори считать всех представителей системы зла злодеями, а вопрос, насколько они были таковыми, – недопустимым по моральным основаниям. Все эти люди – реальные личности, характеры которых можно исследовать, и мы думаем, что изучать их с моральной точки зрения допустимо.

Еще одно замечание по поводу нашей методологии. Из-за того что мы называем эту работу нравоучительной биографией, может показаться, что мы приглашаем сравнить ее с такой знаменитой и полемической книгой, как «Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме»³

² Самым примечательным исключением является сообщение Моргена в Нюрнберге о том, как он открыл «окончательное решение еврейского вопроса». Мы обсуждаем это в главе 12.

³ Арндт Х. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. – М.: Европа, 2008.

Ханны Арндт. Некоторое сходство действительно есть, но отличий гораздо больше, и не только потому, что нам не хватает остроты ума и отточенности стиля Арндт.

Нравственные вопросы, которые поднимаем мы, не менее значительны, чем вопросы, поднятые Арндт, но касаются личности другого рода. История Моргена затрагивает множество морально-нравственных проблем, однако, в отличие от Эйхмана, он не был воплощением зла; это, как мы уже сказали, скорее воплощение двойственности и неоднозначности.

Кроме того, если Арндт обращается к фигуре Эйхмана, чтобы проиллюстрировать провокационный тезис банальности зла, мы на иллюстрирование столь объемного тезиса не претендовали. По нашему мнению, детальное рассмотрение такого случая может объяснить, как проявляет себя нравственная позиция личности и как это перестает работать в экстремальных условиях. Мы хотим объяснить действия и намерения Моргена, поскольку они относятся к вопросам морали, но свою задачу – исследование нюансов его дела – выполним не лучшим образом, если поставим своей целью поддержку смелого тезиса. Наблюдение за тем, как ослабевает нравственная позиция человека, вовлеченного в такие катастрофические события, как холокост, требует внимания к частностям и избегания грандиозных обобщений.

Рассказав о карьере Моргена, мы предложим вашему вниманию итоговые размышления о его личности и о значении его случая с точки зрения права и философии морали. Но выводы, которые, как мы надеемся, сделает для себя читатель, этим не ограничатся. А исчерпывающая теоретическая дискуссия могла бы стать содержанием другой книги.

Благодарности

Мы благодарим Рафаэля Гросса и Вернера Конитцера из Института Фрица Бауэра во Франкфурте-на-Майне за то, что они обратили наше внимание на дело Конрада Моргена. Эссе Рафаэля Гросса о Конраде Моргене побудило нас к первым размышлениям об этом деле; Вернер Конитцер давал советы на многих стадиях проекта и делился комментариями по поводу черновика рукописи. Другие историки, которые предложили свои рекомендации, – это Норберт Фрай, Иэн Кершоу, Барбара Швиндт, Сибилла Штайнбахер и Ребекка Витман.

За комментарии к рукописи мы благодарим Дона Херцога, Дэвида Оуэнса, Ниши Шаа, Шарон Стрит, Дэвида Дизенхауса, Веронику Хофер, Кристофера Тиля, Ренату Зойтль-Вольфсгрубер, Мартина Куша, Вернера Конитцера, Кристофа Ханиша, Сару Бусс, Брайана Слэттери и Ханса Петера Гравера.

Особо хотелось бы поблагодарить Кристофера Тиля. Его глубокие познания в области судопроизводства СС принесли нам немалую пользу, кроме того, мы прибегли к его помощи при поиске архивных источников в Федеральном архиве Берлин-Лихтерфельде, Федеральном архиве в Людвигсбурге и Государственном архиве в Людвигсбурге.

Спасибо Дэвиду Дизенхаусу за организацию обсуждения рукописи книги в октябре 2013 г. с его читательской группой Юридической школы Нью-Йоркского университета, а также всем участникам за ценные советы. Мы также представили материал о Конраде Моргене на конференции «Власть, законность и легитимность» в Венском университете в мае 2011 г., где получили немало полезных комментариев.

Благодарим также тех, кто великодушно помогал нам в архивах. Это Кирстен Картер из библиотеки Ф. Д. Рузвельта в Гайд-парке, Лаура Джой из библиотеки Хартли, Университет Саутгемптона; Тереза Грей, Жан и Александер Херд из библиотеки Университета Вандербильта; Андреас Грюнвальд из Федерального архива Берлин-Лихтерфельде; Петра Мёртль и д-р Клаус Ланкхайт из Института современной истории в Мюнхене; д-р Клефиш из архива федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия; д-р Иоганн Зилиен из Гессенского Главного государственного архива, Висбаден; Ребекка Кольер из Национального архива США в Колледж-парке; и наконец, последний в списке, но не последний по значимости – Вернер Ренц из Института Фрица Бауэра, где хранится наследие Моргена.

Мы благодарим Изабель Льюис за создание карты Германского рейха и польских территорий. Спасибо Майклу Гартлеру за помощь в редактировании, Стивену Роджерсу за помощь в исследованиях и Александеру Зайферту за помощь с архивными материалами.

Эта книга является частью исследовательского проекта Европейского исследовательского совета «Искажения нормативности». Мы благодарим Европейский исследовательский совет и Нью-Йоркский университет за финансирование в поддержку проекта.

Хронология

1930–1933 гг.

Морген изучает право.

1 марта 1933 г.

Морген вступает в СС.

1 апреля 1933 г.

Морген вступает в нацистскую партию.

Август 1934 г.

Морген отказывается голосовать на выборах Гитлера на пост рейхспрезидента. Морген сдает первый государственный экзамен по праву (erste juristische Staatsprüfung).

1934–1938 гг.

Морген проходит практику для сдачи второго государственного экзамена.

1936 г.

Морген получает степень доктора права и публикует свою диссертацию о предупреждении войны и военной пропаганде.

1938 г.

Морген сдает второй государственный экзамен по праву (zweite juristische Staatsprüfung).

1939 г.

Морген поступает в окружной суд Штеттина.

Апрель 1939 г.

Моргена увольняют с должности судьи по приказу рейхсминистра юстиции; он начинает работать в «Германском трудовом фронте».

1 сентября 1939 г.

Германия нападает на Польшу, Моргена призывают в войска СС (резервную часть).

Весна и осень 1940 г.

Моргена демобилизовывают и принимают на службу в судебную систему СС.

Январь 1941 г.

Морген получает назначение в эсэсовский суд в Кракове.

22 июня 1941 г.

Германия нападает на Советский Союз.

Сентябрь 1941 г.

Морген заканчивает отчет по делу Фегеляйна.

27 марта 1942 г.

Морген просит о переводе из генерал-губернаторства.

Март 1942 г.

Первый еврейский эшелон в Белжец.

Май 1942 г.

Моргена снимают с должности и разжалуют в рядовые.

Июль 1942 г.

Морген проходит основной курс боевой подготовки.

Декабрь 1942 г.

Моргена зачисляют в дивизию «Викинг», воюющую на территории Советского Союза.

Май 1943 г.

Моргена вызывают с фронта в судебное управление СС в Мюнхене. Моргена переводят в управление Государственной криминальной полиции в Берлине.

Июнь-июль 1943 г.

Морген начинает работать в Касселе, расследуя преступления в Бухенвальде.

18–19 августа 1943 г.

Последний эшелон с евреями в Трешлинку.

24 августа 1943 г.

Морген арестовывает Карла Отто Коха, бывшего коменданта Бухенвальда.

Сентябрь (?) 1943 г.

Морген расследует дело о еврейской свадьбе в Люблине.

14 октября 1943 г.

Восстание заключенных в Собиборе.

3 ноября 1943 г.

«Праздник урожая» в Люблине.

Ноябрь 1943 г.

Морген посещает Освенцим.

Январь (?) 1944 г.

Морген посещает Глобочника в Триесте.

11 апреля 1944 г.

Морген представляет следственный отчет о Бухенвальде.

Лето 1944 г.

Морген представляет доказательства по делу Эйхмана в эсэсовский суд в Берлине.

17 августа 1944 г.

Морген предъявляет обвинение по делу о преступлениях в Бухенвальде.

Сентябрь 1944 г.

Первый бухенвальдский суд.

Октябрь 1944 г.

Суд по делу Максимилиана Грабнера.

Ноябрь 1944 г.

Моргена переводят в эсэсовский суд в Кракове.

Декабрь 1944 г.

Второй бухенвальдский суд.

Январь 1945 г.

Немцы оставляют Краков.

Сентябрь 1945 г.

Американцы берут Моргена под арест в Манхайме.

Главные персонажи

ХОРСТ БЕНДЕР (24 февраля 1905–8 ноября 1987): оберфюрер (старший полковник) СС; главный юрист личного персонала рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера; после войны работал юрисконсультom; находился под следствием по обвинению в военных преступлениях, обвинения были сняты.

ВЕРНЕР БЕСТ (10 июля 1903–23 июня 1989): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС и юрист; гражданский администратор оккупированной Франции и Дании. В 1948 г. был приговорен датским судом к смертной казни, приговор был заменен на тюремное заключение.

ФИЛИПП БОУЛЕР (11 сентября 1899–19 мая 1945): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС; шеф канцелярии фюрера; отвечал за программу «Т-4»⁴; был взят под арест американцами, совершил самоубийство.

КАРЛ БРАНДТ (8 января 1904–2 июня 1948): группенфюрер (генерал-майор) СС в «общих СС» и бригаденфюрер (бригадный генерал) в войсках СС; возглавлял администрацию программы «Т-4»; позднее – рейхскомиссар здравоохранения и медицинской службы и рейхскомиссар по санитарии и гигиене; был осужден в рамках «процесса над врачами» в Нюрнберге и казнен в 1948 г.

ФРАНЦ БРАЙТХАУПТ (8 декабря 1880–29 апреля 1945): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС; стал вторым шефом Главного судебного управления СС, сменив Пауля Шарфе; убит адъютантом.

ЭРВИН ДИНГ-ШУЛЕР (19 сентября 1912–11 августа 1945): штурмбанфюрер (майор) СС; военный врач в Бухенвальде; в 1945 г. был арестован американскими войсками, совершил самоубийство.

ОСКАР ДИРЛЕВАНГЕР (26 сентября 1895–7 июня 1945): оберштурмфюрер (первый лейтенант) СС; командир специальной команды СС «Дирлевангер»; умер в 1945 г. в тюрьме во Франции.

АЛЬБЕРТ ФАССБЕНДЕР (30 июня 1897–1964): усыновленный ребенок владельцев немецкой шоколадной фирмы Фассбендера; штурмбанфюрер (майор) СС; командир кавалерийской бригады СС.

ГЕРМАН ФЕГЕЛЯЙН (30 октября 1906–28 апреля 1945): группенфюрер (генерал-майор) СС; командир кавалерийского полка дивизии «Мертвая голова», расквартированного в Варшаве, позднее – 1-го кавалерийского полка СС; был женат на сестре Евы Браун Грете; казнен за дезертирство по приговору наспех собранного суда в бункере Гитлера.

ГЕРМАН ФЛОРШТЕДТ (18 февраля 1895–15 апреля 1945): штандартенфюрер (полковник) СС; служил в Заксенхаузене и Бухенвальде; был третьим комендантом Майданека; по сообщениям, был казнен по приговору суда СС за преступления, совершенные в Майданеке.

⁴ Программа по стерилизации, а в дальнейшем и физическому уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых и наследственно отягощенных больных, а также нетрудоспособных лиц. – *Прим. ред.*

ОДИЛО ГЛОБОЧНИК (21 апреля 1904–31 мая 1945): высший руководитель СС и полиции округа Люблин в генерал-губернаторстве; курировал строительство и деятельность лагерей уничтожения в операции «Рейнхард»; с осени 1943 г. высший руководитель СС и полиции оперативной зоны Адриатического побережья; совершил самоубийство в британской тюрьме.

МАКСИМИЛИАН ГРАБНЕР (2 октября 1905–28 января 1948): шеф гестапо в Освенциме; осужден на Освенцимском процессе в Польше и казнен в 1948 г.

ЭРНСТ-РОБЕРТ ГРАВИЦ (8 июня 1899–24 апреля 1945): главный врач СС; убит взрывом гранаты, возможно в результате самоубийства, во время наступления советских войск.

ЭБЕРХАРД ХИНДЕРФЕЛЬД оберштурмфюрер (первый лейтенант) СС; служащий отдела по вопросам дисциплины Главного судебного управления СС.

ВАЛЬДЕМАР ХОВЕН (10 февраля 1903–2 июня 1948): гауптшарфюрер (капитан) СС; врач в Бухенвальде; осужден на «врачебном процессе» в Нюрнберге и казнен в 1948 г.

РУДОЛЬФ ХЁСС (25 ноября 1901–16 апреля 1947): оберштурмбанфюрер (подполковник) СС; комендант Освенцима с 4 мая 1940 г. по ноябрь 1943 г.; был возвращен в Освенцим в мае 1944 г. для наблюдения за уничтожением венгерских евреев; свидетель на Международном военном трибунале в Нюрнберге; позднее осужден в Польше и казнен в 1947 г.

ЭРНСТ КАЛЬТЕНБРУННЕР (4 октября 1903–16 октября 1946): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС; начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА); предстал перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге и был казнен в 1946 г.

Ильза КОХ (22 сентября 1906–1 сентября 1967): жена Карла Отто Коха; была осуждена в Дахау и приговорена к тюремному заключению в 1947 г.; после того как срок наказания был сокращен, в 1950 г. снова предстала перед судом и была приговорена к пожизненному заключению; совершила самоубийство в тюрьме в 1967 г.

КАРЛ ОТТО КОХ (2 августа 1897–5 апреля 1945): штандартенфюрер (полковник) СС; комендант Заксенхаузена (1936), Бухенвальда (1937–1941) и Майданека (1941–1943); казнен эсэсовцами 5 апреля 1945 г.

ОЙГЕН КОГОН (2 февраля 1903–24 декабря 1987): христианский противник нацистской партии; был заключен на шесть лет в Бухенвальд; автор книги «Теория и практика ада».

ВАЛЬТЕР КРЕМЕР (1892–1941): коммунист, заключенный Бухенвальда.

ЯРОСЛАВА МИРОВСКАЯ: польская шпионка в СС, двойной агент польского Сопротивления.

КУРТ МИТТЕЛЬШТЕДТ: оберштурмбанфюрер (подполковник) СС; эсэсовский судья; с мая 1941 г. – глава следственного отдела специального суда (Gericht zur besonderen Verwendung), созданного Гиммлером по предложению Моргена.

ИОАХИМ МРУГОВСКИЙ (15 августа 1905–2 июня 1948): эсэсовский врач, шеф Института гигиены войск СС, главный гигиенист Рейха.

ЭРИХ МЮСФЕЛЬДТ (18 февраля 1913–28 января 1948): унтер-офицер СС в лагерях уничтожения Освенцим и Майданек; кремировал жертв бойни «Праздник урожая»; осужден в Варшаве и казнен в 1948 г.

ГЕНРИХ МЮЛЛЕР (28 апреля 1900 – май 1945): группенфюрер (генерал-майор) СС; шеф гестапо, подразделения Главного управления имперской безопасности; после войны пойман не был.

АРТУР НЕБЕ (13 ноября 1894–21 марта 1945): группенфюрер (генерал-майор) СС; с 1939 г. – шеф Криминальной полиции (Крипо) Главного управления имперской безопасности; в 1941 г. командовал айнзатцгруппой «В»⁵; казнен в связи с причастностью к попытке покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.

ВЕРНЕР ПАУЛЬМАН: штурмбанфюрер (майор) СС; председатель суда СС и полиции в Касселе.

КАРЛ ПАЙКС (1899–1941): коммунист, заключенный Бухенвальда.

ГЕРМАН ПИСТЕР (21 февраля 1885–28 сентября 1948): оберфюрер (старший полковник) СС; в 1942 г. сменил Карла Отто Коха в должности коменданта Бухенвальда; был осужден американцами в Дахау и приговорен к смерти, но умер в тюрьме от сердечного приступа.

НОРБЕРТ ПОЛЬ (1910–1968): эсэсовский судья; начальник Моргена в суде СС и полиции в Кракове (1941–1942).

ОСВАЛЬД ПОЛЬ (30 июня 1892–8 июня 1951): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС; шеф Главного административно-хозяйственного управления СС (SS Wirtschafts-Verwaltungshauptamt, WVHA), отвечал за концентрационные лагеря; приговорен к смерти американским военным трибуналом в 1947 г., казнен в 1951 г.

ГЮНТЕР РАЙНЕКЕ (18 апреля 1908–24 апреля 1972): оберфюрер (старший полковник) СС, эсэсовский судья и начальник отдела правовых вопросов в Главном судебном управлении СС.

ФЕРДИНАНД РЁМХИЛЬД: заключенный, медицинский служащий в Бухенвальде.

ЭРНСТ РЁМ (28 ноября 1887–2 июля 1934): один из основателей штурмовых отрядов (SA), военизированных формирований нацистской партии, позднее их командир; казнен по приказу Гитлера в 1934 г. во время «ночи длинных ножей».

ГЕОРГ ФОН ЗАУБЕРЦВАЙГ: начальник склада снабжения войск в Варшаве.

⁵ Целью айнзатцгруппы «В» было уничтожение евреев, цыган и коммунистов на территории Белоруссии. – *Прим. ред.*

ПАУЛЬ ШАРФЕ (6 сентября 1876–29 июля 1942): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС; первый шеф Главного судебного управления СС, сменивший позднее Францем Брайтхауптом.

КУРТ ШМИДТ-КЛЕВЕНОВ (19 августа 1906–30 января 1980): оберштурмбанфюрер (подполковник) СС; с 1940 г. юрисконсульт Освальда Поля; с 1942 г. начальник отдела права WVHA); давал показания на процессе по делу Главного административно-хозяйственного управления СС («США против Освальда Поля»).

МАРТИН ЗОММЕР (8 февраля 1915–7 июня 1988): гауптшарфюрер (первый сержант) СС; охранник в Дахау и Бухенвальде; предстал перед судом СС вместе с Карлом Отто Кохом, был снят с должности и отправлен на Восточный фронт; арестован советскими войсками в 1950 г., отпущен в Германию во время обмена пленными в 1955 г.; в 1957 г. в Западной Германии состоялся суд над ним; приговорен к пожизненному заключению; умер в тюрьме в 1988 г.

ЯКОБ ШПОРЕНБЕРГ (16 сентября 1902–6 декабря 1952): группенфюрер (генерал-майор) СС; генерал-лейтенант полиции в Минске и Люблине; был осужден в Польше и казнен в 1952 г.

ОТТО ГЕОРГ ТИРАК (19 апреля 1889–22 ноября 1946): нацистский юрист и политик; рейхсминистр юстиции с 1942 г.; совершил самоубийство в тюрьме после войны.

ВАЛЬТЕР ТЁБЕНС (19 мая 1909–16 ноября 1954): предприниматель, собственник находившегося в Варшавском гетто предприятия Többenswerke, которое было переведено в Понятову (Польша) после подавления восстания в Варшавском гетто весной 1943 г.

МАРТИН ТОНДОК: оберфюрер (старший полковник) СС; эсэсовский судья Главного судебного управления СС.

МАРИЯ ВАХТЕР: невеста Конрада Моргена, вышла за него замуж, когда его освободили из заключения после ареста американским Корпусом контрразведки.

ЙОЗИАС, НАСЛЕДНЫЙ ПРИНЦ ФОН ВАЛЬДЕК-ПИРМОНТСКИЙ (13 мая 1896–30 ноября 1967): обергруппенфюрер (генерал-лейтенант) СС; предполагаемый наследник престола княжества Вальдек-Пирмонт; высший начальник СС и полиции Веймара, отвечавший за Бухенвальд; был судим американцами на Бухенвальдском процессе в Дахау и приговорен к пожизненному заключению; спустя три года освобожден по болезни.

ГЕРХАРД ВИБЕК (1910–?): эсэсовский судья и помощник Конрада Моргена в 1943–1945 гг.

КРИСТИАН ВИРТ (24 ноября 1885–26 мая 1944): немецкий полицейский и штурмбанфюрер (майор) СС; до 1941 г. инспектор объектов программы «Т-4»; затем комендант Хелмно и комендант Белжеца; в 1942 г. Одило Глобочник назначил его инспектором центров уничтожения акции «Рейнхард»; переведен вместе с Одило Глобочником на Адриатическое побережье в 1943 г.; в мае 1944 г. убит под Триестом югославскими партизанами.

1

Введение

Расшифровка Освенцимского процесса

Двадцать пятый день судебного разбирательства, 9 марта 1964 г.

Допрос свидетеля Конрада Моргена

Начало моим расследованиям в концентрационном лагере Освенцим положила посылка, отправленная военной почтой. Совсем небольшая, прямоугольная – обычная коробка, которая, вероятно, привлекла внимание почтовой службы своим весом, а таможенники конфисковали ее из-за содержимого. В ней лежали три куска золота.оборот золота подлежал контролю, по этой причине оно и было конфисковано. Отправителем оказался фельдшер концентрационного лагеря Освенцим, а предназначалась посылка его жене. Дело подпадало под юрисдикцию суда СС, и потому конфискованная посылка была направлена мне вместе с краткой запиской – кажется, «Для дальнейших действий».

Что касается золота, то это были сплавленные зубные коронки и пломбы. Был очень большой слиток, размером, пожалуй, в два кулака; второй – заметно меньше, третий – совсем маленький. Но вместе они весили несколько килограммов. Прежде чем приступить к дальнейшим разбирательствам, я задумался над этим обстоятельством. Во-первых, изумляло безрассудство тогда еще неизвестного преступника. Все это казалось откровенной глупостью. Но, размышляя дальше, я понял, что считать так значило недооценивать преступника. Ведь вероятность того, что эту частную посылку обнаружат среди сотен тысяч других почтовых отправлений и вскроют, была очень невысока. Однако тогда мне показалось, что преступником двигали варварство и беспринципная наглость, – и это подтвердилось во время моих дальнейших расследований в концентрационном лагере Освенцим. Так там работало все. Однако от дальнейших размышлений у меня по спине прошел холодок, поскольку килограмм золота – это 1000 граммов.

Я знал, что стоматологические отделения концлагерей были обязаны собирать золото, остававшееся после сожжения трупов, и отправлять его в Рейхсбанк. Но золотая пломба или коронка – это всего несколько граммов. Таким образом, тысяча граммов или несколько тысяч граммов – это смерть нескольких тысяч людей. В те времена всеобщей бедности золотые пломбы были далеко не у всех. И в зависимости от того, как подсчитывать, – у каждого ли двадцатого, или у каждого пятидесятого, или у каждого сотого имелось во рту золото, – это число надо было умножить, и тогда получалось, что за конфискованной посылкой стояли 20 000, или 50 000, или 100 000 трупов. [Пауза.] Ошеломляющие цифры. Но еще труднее было осознать, что преступник смог сокрыть такое количество золота, зная, что это останется незамеченным. А раз на его поступок никто не обратил внимания, значит, так же мало внимания привлекло то, что 50 000 или 100 000 человек были уничтожены и обращены в пепел.

О смерти по естественным причинам тут речи идти не могло: эти люди, вероятнее всего, были убиты.

Придя к такому выводу, я впервые подумал, что этот малоизвестный Освенцим, который я с трудом нашел на карте, вероятно, одна из самых крупных фабрик по уничтожению людей, какие когда-либо видел мир. [Пауза.] Дело о конфискованной посылке с золотом я мог бы решить очень легко. Улики были убедительны. Я мог бы арестовать и осудить преступника, и вопрос был бы закрыт. Но после всех моих размышлений, которые я вам кратко изложил, я, конечно, должен был увидеть все это сам. И я немедленно отправился в Освенцим, чтобы провести расследование на месте.

Наступило утро, когда я стоял на станции в Освенциме. Казалось, там, где происходит чудовищное, невыразимое, невообразимое, должны быть какие-то признаки этого, какая-то особенная атмосфера. Находясь там, я рассчитывал что-то такое заметить. Но Освенцим был маленьким городком с очень большой транзитной и сортировочной станцией вроде Бебры. Постоянно проходили поезда: эшелоны с войсками на восток, эшелоны с ранеными в обратном направлении, товарные составы – с углем, рудой, а также пассажирские. Из них выходили люди – как молодые и веселые, так и мрачные, наработавшиеся старики, как будто здесь было самое заурядное место в мире. Видел я и поезда с заключенными в полосатой форме. Но они покидали Освенцим.

Так вот, не заметить концентрационный лагерь вы не смогли бы, но снаружи он выглядел как обычные лагеря для военнопленных или другие концлагеря: высокая ограда, колючая проволока, сторожевые вышки, часовые, которые ходят туда-сюда. Ворота, рабочая суета заключенных, но ничего примечательного. Я отрапортовал о своем прибытии коменданту, штандартенфюреру Хёссу – приземистому немногословному человеку с каменным лицом. Я уже уведомил его о своем визите телеграммой и дал знать, что должен кое-что проверить. Он сказал что-то вроде того, что им поручено чрезвычайно трудное задание, с которым не у всякого хватит духу справиться, а затем спросил, с чего я хочу начать. Я ответил, что прежде всего намерен объехать лагерь. Перед началом расследования в концлагерях я всегда осматривал их, особенно основные объекты. Хёсс заглянул в расписание дежурств, позвонил по телефону, и пришел гауптштурмфюрер. Хёсс приказал этому человеку провезти меня по всему лагерю и показать все, что я захочу увидеть. Я стартовал с начала конца, то есть с железнодорожной платформы в Биркенау.

Она выглядела как любая другая платформа товарной станции. Там не было установлено ничего специального, не было принято никаких особых мер предосторожности. Я спросил своего проводника, как это обычно происходит. Он объяснил, что, как правило, об очередном эшелоне, чаще всего с евреями, сообщают незадолго до его прибытия. Тогда вызывают охрану, и она оцепляет колею и платформу. Затем вагоны открывают, прибывшие должны выйти и выгрузить свои вещи. Мужчины и женщины выстраиваются в две разные линии, затем выясняют, есть ли среди прибывших раввины. Их и других «нерядовых» людей тут же отделяют от остальных и доставляют в лагерь, в предназначенный специально для них барак. Позднее я лично убедился, что так все и происходило. Этим людей содержали в хороших условиях, им не надо было работать, ожидалось, что они разошлют из Освенцима по всему свету как можно больше писем и открыток, чтобы тем самым развеять всякие подозрения в том, что здесь творится что-то ужасное.

Потом отбирались специалисты, нужные лагерю, – Освенцим был связан с крупными промышленными концернами, – которых подыскивали заранее. А после этого работоспособные отделялись от неработоспособных. Первые шли пешком в лагерь, где становились заключенными, там их переодевали и распределяли по баракам. Оставшиеся должны были занять места в грузовиках и немедленно, без установления личностей, отправиться в газовые камеры Биркенау. Мой проводник как о чем-то смешном рассказал, что, когда нет времени или врача либо прибывших оказывается слишком много, для ускорения процесса им вежливо говорят, что лагерь находится в нескольких километрах и, если кому-то нездоровится или трудно идти, они могут воспользоваться возможностью доехать, которую предоставляет лагерь. После этого начинается массовый штурм грузовиков. Соответственно, те, кто не поехал, могут пешком пойти в лагерь, тогда как другие непреднамеренно выбирают смерть. [Пауза.]

От платформы мы отправились по дороге смертников в лагерь Биркенау, который находился в нескольких километрах. Внешне там не было ничего особенного: чуть покосившиеся от ветра высокие ограждения из проволочной сетки, часовые. Внутри располагался барак «Канада», где имущество жертв осматривали, сортировали и находили ему применение. От последнего эшелона там еще оставалась гряда распахнутых чемоданов, белья, портфелей, а также оборудования для стоматологических кабинетов, сапожных мастерских, аптек. Несомненно, так называемые эвакуированные думали, что их повезут на восток, где они начнут новую жизнь, и поэтому брали с собой все необходимое. [Пауза.]

А дальше находились крематории. Это были одноэтажные здания с двускатными крышами, которые могли бы быть и заводскими складами или небольшими цехами. Даже дымовые трубы, широкие и массивные, не должны были броситься постороннему человеку в глаза, потому что они были очень низкими и лишь немного возвышались над крышей. Там, куда подъезжали грузовики, была наклонная площадка размером со школьный двор, засыпанная золой [неразборчиво]. Они заезжали таким образом, что наблюдатель, который видел колонну грузовиков, мог бы заметить, что они исчезали в яме, но не мог видеть, куда деваются привезенные – снова те же изощренные, но, в сущности, примитивные меры предосторожности, которые применялись во всей лагерной системе. [Пауза.] Во дворе была группа еврейских заключенных, носивших желтую звезду, с их капо⁶, который держал длинную палку, и они тут же окружили нас. Они бегали по кругу, готовые выполнить любую его команду и ловя каждый его взгляд. В голове у меня мелькнуло: они ведут себя как свора пастушьих собак. Я сказал об этом проводнику. Тот рассмеялся и ответил, что так и надо. Вновь прибывшие должны успокаиваться, увидев своих единоверцев. Этой группе было приказано не бить прибывших. Им нужно было избегать всего, что может вызвать панику. Скорее, они должны были внушать некоторый страх и уважение, но в целом просто находиться здесь и сопровождать прибывших.

Позади двора были большие ворота, ведущие в так называемую раздевалку, похожую на раздевалку в гимнастическом зале. Там были

⁶ Капо был заключенным, который по поручению СС надзирал за другими заключенными или выполнял иные задания. Этимология термина обсуждается.

простые деревянные скамейки, крючки для одежды, и каждое место было пронумеровано и снабжено жетоном с номером. Жертвам говорили, что они должны позаботиться о своей одежде и не терять жетоны, чтобы не возбуждать в них ни малейших подозрений буквально до последней секунды и завести обреченных в ловушку так, чтобы они ни о чем не догадались.

На стене была нарисована стрелка в направлении коридора, а под ней написано – кратко и убедительно: «В душевые», и эта надпись повторялась на шести или семи языках. Им также говорили: вы разденетесь, вас отведут в душ и продезинфицируют. И в этом коридоре были помещения без всякого оборудования, с холодным, голым цементным полом. Что было неожиданным, так это бросавшаяся в глаза решетчатая труба, стоявшая в центре и доходившая до потолка. Я не мог понять ее предназначение, пока мне не сказали, что вещество – «Циклон Б» в виде кристаллов – всыпают в эту трубу газовой камеры через отверстие в потолке. До того момента заключенные ничего не понимали, а затем, конечно, было уже слишком поздно. Напротив газовых камер были подъемники для тел, и они вели на второй этаж или, если взглянуть с другой стороны здания, на первый. [Пауза.] Собственно крематорий был огромным залом с ровным полом, где на одной стороне располагался длинный ряд кремационных печей – здесь царила деловая, рутинная обстановка. Все блестело, как зеркало, все было вылизано, и несколько заключенных в рабочей одежде заученными движениями драили свое оборудование. Было совсем тихо и пусто.

После того как я осмотрел эти сооружения и ни один эсэсовец так и не появился, меня, естественно, заинтересовало, можно ли теперь увидеть представителей СС и познакомиться с теми, кто управлял всем аппаратом и приводил его в действие. Тогда мне дали возможность заглянуть в так называемое караульное помещение лагеря Биркенау, и там я впервые испытал настоящее потрясение. Как вам известно, помещение для охраны во всех армиях мира отличается спартанской простотой. Там можно увидеть обеденный стол, несколько инструкций на стене, несколько лежанок для отдыхающей смены, письменный стол и телефон. Но здесь все было по-другому. Это была комната с низким потолком, несколько ярких диванов там были сдвинуты вместе. На них разлеглись несколько сонных эсэсовцев, в основном младшие командиры, глядевшие перед собой остекленевшими глазами. Мне показалось, что предыдущей ночью они, должно быть, слишком много выпили.

Вместо письменного стола стояла огромная гостиничная плита, на которой четыре или пять юных девушек пекли картофельные оладьи. Это явно были еврейки – очень красивые восточной красотой, пышногрудые, с блестящими глазами. Они были одеты не в форму заключенных, а в нормальную, весьма кокетливую гражданскую одежду. Они подносили оладьи своим возлегавшим пашам, озабоченно спрашивая, достаточно ли в оладьях сахара, и кормили их. [Пауза.] Никто не обратил на меня и моего спутника внимания, хотя тот был офицером. Никто не отдал честь, никто даже не пошевелился. И я не мог поверить своим ушам: эти девушки-заключенные и эсэсовцы обращались друг к другу на «ты». Мне оставалось лишь молча взглянуть на своего проводника. Он только пожал плечами и сказал: «У людей тяжелая ночь позади. Они обработали несколько эшелонов». Кажется, он именно так выразился. Это означало, что минувшей ночью, во время которой я

ехал в Освенцим, несколько тысяч человек, несколько поездов с людьми были удушены здесь газом и обращены в пепел. И от этих тысяч людей не осталось и пылинки на печном оборудовании. [Пауза.]

Увидев все, что можно, в Биркенау, я совершил обход лагеря. Одно за другим мне продемонстрировали помещения или бараки для заключенных, культурные учреждения лагеря, которые тоже имелись [пауза], лазарет. Потом, естественно, меня провели в так называемый «бункер» и при этом совершенно открыто и с величайшей готовностью показали так называемую «черную стенку», где происходили расстрелы. [Пауза.]

Осмотрев лагерь – дело уже шло к вечеру, – я наконец приступил к работе: приказал всей эсэсовской команде крематория встать каждому у своего шкафчика и произвел обыск. Как я и предполагал, обнаруживалось одно и то же: золотые кольца, монеты, цепочки, жемчуг, почти все валюты мира. У одного немного «сувениров», как он их назвал, у другого небольшое состояние. Но чего я никак не ожидал, так это увидеть бычьи гениталии, которые выпали из одного или двух шкафчиков. Я был изумлен и не мог понять, зачем они здесь, пока хозяин одного из шкафчиков не объяснил, краснея – хотите верьте, хотите нет, – что приобрел их для восстановления мужской силы. [Пауза.] Итак, я произвел обыск, «прижал к стенке» и кратко допросил всю команду крематория, и на этот день закончился. Я отправился к себе на квартиру. [Пауза.]

Понятно, что той ночью я не смог уснуть. Я уже видел кое-что в концентрационных лагерях, но ничего подобного этому. И думал о том, что тут можно сделать.

Говорящий – Георг Конрад Морген, бывший эсэсовский судья и следователь по уголовным делам, дающий показания 9 марта 1964 г., в 25-й день Освенцимского процесса во Франкфурте-на-Майне, на котором 22 подсудимых обвинялись в преступлениях, совершенных в объединенных лагерях Освенцим и Биркенау. Многие из старших офицеров Освенцима, включая бывшего коменданта Рудольфа Хёсса, были осуждены и казнены в Польше вскоре после войны – процесс над ними иногда называют Первым Освенцимским. На Втором Освенцимском процессе подсудимыми были преступники нижних чинов. К окончанию процесса пятеро из них были освобождены, шесть человек приговорены к пожизненному лишению свободы, а остальные – к коротким тюремным срокам от трех с половиной до 14 лет.

Во Франкфурте Морген был «звездным» свидетелем – в Освенциме-Биркенау он увидел все, что было возможно. Говорил он медленно и тягуче, временами прочищая горло и делая драматические паузы. Судья позволил ему давать показания безостановочно более часа, несмотря на то что порой его рассказ был мало связан с темой вины или невиновности подсудимых. Поскольку Морген не являлся ни преступником, ни жертвой Освенцима, его считали незаинтересованным свидетелем, могущим рассказать о роли лагеря в реализации «окончательного решения».

Под этим подразумевалось устранение воображаемой проблемы – «еврейского вопроса», или *Judenfrage*⁷, в котором «окончательное решение» должно было поставить точку. Сам *Judenfrage* возник после эпохи Просвещения и Французской революции, когда евреи получили гражданские права, то есть были «эмансипированы». Вопрос звучал так: насколько предоставленный им статус сограждан христиан согласуется с их религиозной «избранностью» и с будущим их воссоединением в возрожденном Израильском царстве? Сформулированный таким образом, этот вопрос задавался самими евреями, которые порой спрашивали себя, хотят ли

⁷ См.: Bein (1990).

они ассимилироваться с французами, немцами или австрийцами. Но этот вопрос также привлек внимание антисемитов всех мастей, и в их интерпретации он превратился в вопрос «что делать» с евреями или как сдержать то, что воспринималось как их вторжение. По трагической иронии слова «решение еврейского вопроса» (*eine Lösung der Judenfrage*), появившиеся в качестве подзаголовка к сионистскому манифесту Теодора Герцля «*Der Judenstaat*», впоследствии переключались в корреспонденцию и докладные записки руководителей нацистского государства⁸.

Поначалу нацистская власть решала «еврейский вопрос», исключая евреев из общественной и экономической жизни: бойкотируя и конфискуя их предприятия, постепенно изгоняя их из профессий и значительно ограничивая личные контакты между ними и неевреями. Затем нацисты приступили к «расовой» реорганизации государственного аппарата. Закон «О восстановлении профессиональной гражданской службы», изгнавший евреев с государственной службы, был принят 7 апреля 1933 г., через два с небольшим месяца после прихода Гитлера к власти⁹. Кульминацией этого процесса стало появление «нюрнбергских законов» 1935 г., которые лишили германских евреев гражданства Рейха.

«Нюрнбергские законы» юридически закрепили расовое деление на арийцев и неарийцев. Известные теоретики права, симпатизировавшие нацистскому режиму, подчеркивали конституционный статус «нюрнбергских законов», благодаря чему те стали правовой основой национал-социалистической Германии¹⁰. Государство, таким образом, воплощало в жизнь расовую идеологию, которая пронизывала его на всех уровнях, вплоть до полиции. Эти инструменты государственного насилия были движимы идеологическими постулатами, которые в 1936 г. Вернер Бест изложил в эссе, посвященном «закону о гестапо»¹¹:

[Политическая полиция есть] учреждение, которое внимательно наблюдает за политическим санитарным состоянием тела германского народа, учреждение, которое своевременно распознает каждый симптом болезни и зародыши деструктивности – развились ли они из-за внутренней коррозии, или были занесены извне – и уничтожает их любыми подходящими средствами. Таковы идея и характер политической полиции в современном расовом фюрерском государстве.

Каким образом должны были выполняться эти идеологические задачи, выяснилось после аннексии Австрии, произошедшей в марте 1938 г., когда нацисты под руководством Адольфа Эйхмана начали проводить в жизнь программу по принуждению венских евреев к эмиграции. В ноябре того же года по всей стране прокатились погромы, получившие название «Хрустальная ночь», после чего поток эмигрантов резко возрос. В мае 1939 г. Эйхман заявил, что он «законным» путем вынудил эмигрировать из Австрии 100 000 евреев¹².

Новое звучание «еврейский вопрос» приобрел с вторжением нацистов в Польшу, произошедшим в сентябре 1939 г. С началом войны возможности для вынужденной эмиграции сократились, а потом исчезли вовсе, и в то же время с присоединением бывших польских территорий миллионы евреев вошли в состав населения Рейха. За частями вермахта следовали полицейские силы и оперативные группы СС (*SS Einsatzgruppen*), официальной задачей которых считалось поддержание общественного порядка. Они казнили местных чиновников, интеллигенцию, уголовников, предполагаемых партизан и других граждан, представлявших потенциальную угрозу безопасности. Евреи подвергались казням под предлогом их принад-

⁸ Herzl (2004).

⁹ Для подробного изучения влияния этого закона см. Mommsen (1966).

¹⁰ См.: Koellreutter (1938), с. 19; Huber (1939), с. 55–56.

¹¹ Best (1936), с. 126. Перевод наш. Цитируется также Herbert (2001), с. 164.

¹² Cesarani (2004), с. 71.

лежности ко всем этим подозрительным группам, как преступники и носители нездоровой или подрывной идеологии. Эти действия быстро переросли в стихийные массовые расстрелы евреев и поляков в первые недели войны¹³.

Тем не менее в то время официально конечной целью нацистской политики в отношении евреев оставалось их изгнание¹⁴. Евреев собирали в гетто для «контроля и последующей депортации»¹⁵. Этнических немцев, живших за пределами расширившегося Рейха, репатриировали и расселяли на землях, конфискованных у поляков и евреев, причем последних предполагалось изгнать в «еврейскую резервацию» на присоединенной польской территории¹⁶. Восточный вал (Ostwall) отделил бы эту территорию от Германии, и передвижение демаркационной линии дальше на восток, как полагал Гитлер, возможно было лишь «спустя десятилетия»¹⁷. Однако очень скоро стало ясно, что столь массовое перемещение населения – задача проблематичная, и вопрос, что делать с евреями, встал с новой силой.

Попытки преодолеть возникающие помехи приводили к конфликтам между нацистским руководством и местными чиновниками, и в результате высылка застопорилась¹⁸

¹³ Browning (2004), с. 28–35.

¹⁴ Там же, с. 26.

¹⁵ Там же, с. 111.

¹⁶ Там же, с. 45.

¹⁷ Там же, с. 27.

¹⁸ Там же, с. 54–68. Как пишет Browning (2004), «хотя нацисты никогда не хотели открыто это признавать и месяцами боролись с таким выводом, оказалось, что, по крайней мере временно, укрепление Lebensraum на присоединенных территориях и решение еврейского вопроса были не дополнительными, но конкурирующими задачами» (с. 43).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.